

О научном наследии Михаила Ивановича Владиславлева*

И. А. Мироненко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Мироненко И. А.* О научном наследии Михаила Ивановича Владиславлева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 1. С. 19–28. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.102>

В статье обсуждается место и значение научного наследия М. И. Владиславлева (1840–1890). После стажировки в Германии Владиславлев защитил магистерскую диссертацию «Современные направления в науке о душе», впоследствии опубликованную, и работал в Санкт-Петербургском университете. В 1885–1887 гг. он занимал пост декана историко-философского факультета, с 1887 г. до своей смерти в 1890 г. пост ректора. Его учениками были многие российские психологи и философы, такие как А. И. Введенский, Н. Я. Грот, Н. Н. Ланге и другие. Психологические воззрения Владиславлева подробно изложены в трех томах общим объемом более полутора тысяч страниц. Здесь представлена история психологии от древнейших времен, современные ему направления в психологической науке, а также его собственное целостное видение дисциплины: развернуто представлена методология психологии и содержательно охарактеризована общая структура психики и весь спектр психических явлений, психических процессов, состояний и свойств. В дальнейшем ученый оказался забыт в силу несоответствия его методологических предпочтений той методологии и идеологии, на которых строилась российская наука XX в. Владиславлев использовал и развивал метод интроспекции. Когда в российской науке укрепилась методология, основанная на примате экспериментального метода, интроспекция получила клеймо «ненаучности». Работы ученых, отстаивавших этот метод, не считались значимыми, игнорировались. В последние десятилетия XX в. в методологии психологии, как и в общей методологии науки, произошли существенные изменения. Стала очевидной культурная обусловленность и относительность научных идеалов и норм, выросло влияние «гуманитарной» парадигмы, ширится применение нарративных подходов. В статье анализируется научное наследие Владиславлева, обсуждается его значимость и релевантность его идей в контексте современных тенденций постнеклассической науки.

Ключевые слова: М. И. Владиславлев, история психологии, психология в Санкт-Петербургском университете, интроспекция, русский волюнтаризм.

Введение

Наука — часть культуры, и, подобно тому, как это происходит в жизни общества в целом, в ней с течением времени изменяются и нормы, и ценности. Владиславлев (1840–1890), один из интереснейших методологов психологии тре-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00260 «Национальные и локальные школы психологии в контексте глобальных социально-культурных трендов: проблемы и перспективы».

твѣй четверти XIX в., оставивший обширные фундаментальные труды, известный и уважаемый среди ученых своего времени, даже занимавший пост ректора Санкт-Петербургского университета (едва ли не единственный случай в истории российского высшего образования), — оказался забыт, не вошел в анналы отечественной истории психологии, в силу несоответствия его методологических предпочтений той методологии и идеологии, на которых строилась российская наука XX в. (Mironenko, 2021). Написанные им книги можно найти лишь в отделах редкой старой книги центральных библиотек, где они нечасто бывают востребованы. В советской истории психологии наиболее содержательное упоминание о его работах можно встретить в монографии Будиловой, когда она пишет о борьбе идеализма и материализма в дореволюционной российской психологии (Будилова, 1960). Монография, посвященная Владиславлеву, была написана В. В. Большаковой, однако эта книга издана тиражом 500 экземпляров в Нижнем Новгороде и сегодня труднодоступна (Большакова, 1997).

Владиславлев был интроспекционистом. Он использовал и развивал метод интроспекции, который был ведущим в период «традиционной» психологии (от Декарта до Вундта). «Традиционная» психология была уничтожена бурей великого «кризиса психологии» на рубеже XIX–XX столетий, в ходе которого в российской науке укрепилась и в дальнейшем в советский период получила статус парадигмы методология, основанная на примате экспериментального метода. Интроспекция получила клеймо «ненаучного» метода, и эхо этой стигматизации до сих пор можно услышать в аудиториях университетов.

Историю, в том числе историю науки, как известно, пишут победители. Поэтому на каждом витке развития история переписывается, и здесь возникает возможность восстановить историческую справедливость по отношению к побежденным на предшествующем этапе.

В последние десятилетия XX в. в методологии психологии, как и в общей методологии науки, произошли существенные изменения. Стала очевидной культурная обусловленность и относительность научных идеалов и норм, выросло влияние «гуманитарной» парадигмы, ширится применение нарративных подходов. Современный этап развития науки с его постнеклассической рациональностью (Степин, 1989) и деколониальным поворотом (Мироненко, 2019) призван если не пересмотреть требования к определению границ научности метода, то, по крайней мере, отразить относительность этих границ.

В основе научной картины мира того или иного общества лежит, в первую очередь, совокупность факторов конкретной исторической эпохи и ее культурных характеристик. Как отмечал еще П. Фейерабенд в своей знаменитой работе «Против метода», «легитимность» того или иного набора практик и признание за ними статуса научных сводится к негласной конвенции ученых, принадлежащих конкретному сообществу и живущих в конкретную историческую эпоху, что ограничивает наши возможности в том, чтобы дать универсальное определение тому, чем все-таки является научный метод. Особенно остро вопрос демаркации научного знания и признания теми или иными способами его статуса встает, когда речь идет о том, что принято называть гуманитарными науками: в частности, это касается обозначившейся еще в середине XIX в. дискуссии о необходимости выстраивать основания так называемых наук о человеке по образцу естественных наук. С течением времени

проблема демаркации считающихся допустимыми в гуманитарных науках методов получения научного знания не становится менее актуальной. Вопросов к методам условно естественных наук всегда оказывается меньше, хотя признание за ними статуса научных является таким же проявлением совокупности культурных установок в отношении науки как социального института и того, чем является в данном обществе знание как таковое. Характерно, что часто те методы, которые когда-то широко использовались в естественно-научных исследованиях, всего через несколько поколений ученых маргинализировались и практически перестали считаться допустимыми для исследований, претендующих на статус научных.

В свете новых веяний и методологических предпочтений в психологии представляется необходимым сегодня вспомнить и переосмыслить значимость вклада тех ученых, которые оказались незаслуженно забытыми, и тех методологических подходов и разработок, которые были заклеены и отвергнуты на предшествующем этапе — возможно, несправедливо. В настоящей статье обсуждается вклад в психологическую науку М. И. Владиславлева, прежде всего разработка им методологии психологии, где ведущее место он отдавал методу интроспекции.

Жизненный путь и общая характеристика психологической концепции Михаила Ивановича Владиславлева

Сын сельского священника, Владиславлев окончил семинарию и был зачислен в Санкт-Петербургскую духовную академию. Однако академию он не окончил, его жизненный выбор был иным: Владиславлев участвовал в конкурсе Санкт-Петербургского университета на получение гранта на обучение в Германии и получил этот грант. Во время стажировки в Германии в 1862–1863 гг. Михаил Иванович обучался в университетах Йены и Гёттингена, где он слушал лекции Куно Фишера, Рудольфа Германа Лотце и других известных немецких философов. По возвращении в Россию Владиславлев защищает магистерскую диссертацию «Современные направления в науке о душе», опубликованную впоследствии (Владиславлев, 1866), и приступает к преподаванию в Санкт-Петербургском университете, сначала как доцент, а скоро, в 1871 г., став ординарным профессором университета. В 1885–1887 гг. он занимал пост декана историко-философского факультета и с 1887 г. до своей смерти в 1890 г. — пост ректора. Его учениками были многие российские психологи и философы, такие как А. И. Введенский, Н. Я. Грот, Н. Н. Ланге и другие.

Владиславлев опубликовал перевод «Критики чистого разума» И. Канта, ряд монографий по логике и истории философии. Его психологические воззрения подробно изложены в трех томах общим объемом более полутора тысяч страниц (Владиславлев, 1866; 1879; 1881). Здесь представлена история психологии от древнейших времен, современные ему направления в психологической науке, а также его собственное целостное видение дисциплины: развернуто представлена методология психологии и содержательно охарактеризованы общая структура психики и весь спектр психических явлений, психических процессов, состояний и свойств.

Центральное место в его системе занимает проблема воли, что дает основания характеризовать ее как «русский волюнтаризм» (Большакова, 1997). Именно воля рассматривается им как единственный источник всех видов активности индивида и определяет структуру и функции всех психических процессов и свойств. Влади-

славлев разработал многоуровневую классификацию волевых явлений и предложил их развернутую характеристику.

Человек от природы наделен инстинктивными влечениями человеческой души. Априорно ему присущи: 1) желание бытия, 2) нравственные принципы и стремления (Владиславлев, 1881, т. 2, с. 450). Эти влечения рассматриваются как исходные для прижизненного формирования сложной многоуровневой системы влечений (умственных, эмоциональных, прямых влечений воли). Так, в аргументации Владиславлева влечение предшествует, например, эмоциям: не будь у человека желания жить, смерть не была бы ему страшна. Характеристики влечений человека определяют и индивидуальные особенности памяти, ума, воображения (анализу которого уделено существенное место) и других психических свойств, которые подробно анализируются Владиславлевым, с выделением типических вариантов. Воображение Владиславлев полагает одним из двух основных познавательных процессов (второй — рациональное познание, рефлексия).

Влечениям всех уровней присущи общие черты:

- причина их не осознается;
- они не сопровождаются ясным осознанием цели;
- они глубоки и сильны, человек не может отказаться от них, потому что именно они составляют природу его души.

Психологический анализ места и значения влечений как системообразующего фактора формирования и функционирования психики может представлять интерес в контексте известных расхождений в оценке соотношения и динамики внешнего и внутреннего между А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном. Ряд положений, развиваемых Владиславлевым, здесь может быть прямо противопоставлен концепции деятельности А. Н. Леонтьева.

Его психологическая теория имеет в своей основе своеобразную «философскую антропологию», во многом созвучную идеям русской духовно-нравственной философии его времени. Владиславлев утверждает, что человек — создание Творца и часть созданной им Вселенной, которая строится на принципах гармонии. Каждому виду существ здесь предписано определенное место в общей иерархии: люди находятся выше животных, над людьми же располагаются другие формы жизни, нам неизвестные. Владиславлев утверждает, что то, что нам они неизвестны, не дает оснований сомневаться в их существовании. Причиной нашего незнания может быть отсутствие у нас необходимых познавательных способностей. Так, пишет он, муравьи, возможно, не подозревают о существовании людей.

Как это типично для российской философской мысли, в отличие от западной философии, человек в системе Владиславлева не выступает как самоценность, но является частью вселенской гармонии, место в которой и определяет его ценность и достоинство. Пространство этой вселенной определено категориями добра и зла, рациональное познание которых человеку недоступно, и которые могут быть постигнуты только через посредство изначально присущего человеку «морального чувства», близкого, по существу, категорическому императиву И. Канта, философию которого Владиславлев хорошо знал и высоко ценил. «Моральные координаты» пространства вселенной определяют ценность человеческой жизни. Значимость добра и зла выше, чем сам человек, чем жизнь его близких, даже выше, чем

человечество в целом. И только в этих координатах могут быть адекватно поняты и описаны смысл и логика человеческой жизни. Жизни индивида недостаточно для придания смысла бытию. Смысл человеческой жизни и устремления человеческой души не вмещаются в пространство жизни индивида и этим пространством не ограничиваются. Владиславлев утверждает, что существуют «инстинктивные влечения человеческой души», предметы которых, цели этих базальных человеческих устремлений, выходят за пределы индивидуального человеческого существования. Человек стремится к познанию, добру и красоте. Но в земной жизни абсолютные познание, добро и красота недостижимы: «Повинуясь своим влечениям, мы идем по линии, которая заканчивается за сферой нашего существования» (Владиславлев, 1881, т. 2, с. 337).

На полвека раньше З. Фрейда Владиславлев обращается к анализу бессознательного, неосознаваемого в человеческой психике. В отличие от Фрейда, Владиславлев постулирует в качестве основы бессознательного нравственное устремление к добру. Человек от природы добр, наделен инстинктом добра. Бессознательная воля — основа существования человека, ведет его активность в правильном направлении, заданном «нравственным чувством». Если человек отклоняется от правильного пути, это происходит из-за того, он совершает ошибки. Жизнь непроста, в ней возникают сложные коллизии и противоречия, которые приводят к ложным поступкам. В результате их совершения в человеке возникает своего рода «ложная личность», что становится источником внутренних противоречий и страданий.

Владиславлев прямо обращается к проблеме свободы воли человека и предлагает свое решение: сущность человека заложена Создателем, изменить ее человек не может, этим ограничена его свобода. Но и свобода Создателя ограничена — Он не может определять поступки человека. Человек свободен в них. Отсюда представление о совести и об ответственности человека. Таким образом, проблема человеческой свободы ставится Владиславлевым в традиции русской духовно-нравственной философии: как «свобода от собственных страстей», а не как свобода от внешнего принуждения и ограничений, «свобода для страстей», что характерно для западной научной мысли (Мироненко, 2019).

Методология Владиславлева

В трудах Владиславлева существенное место уделяется развитию методологии психологии. В своей фундаментальной двухтомной работе «Психология: исследования основных явлений душевной жизни» М. И. Владиславлев подробно останавливается на проблеме метода. В первую очередь его интересует общефилософский вопрос об основных путях познания, которые доступны ученому, в качестве которых он выделяет два — наблюдение и опыт (эксперимент). Владиславлев противопоставляет эти два источника получения сведений для дальнейших теоретических построений ученого в том смысле, что наблюдение есть «умственное следование за фактами в том виде, в каком представляет их нам природа» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 6), в то время как эксперимент он называет искусственным произведением факта в соответствии с целями исследователя. Отмечая важную для своего времени тенденцию ко внедрению в психологию эксперимента как способа получения знания, со всеми возможностями, которые открывает для психологии его применение,

Владиславлев все же придает особое внимание методу наблюдения и, в частности, самонаблюдения и называет его «краеугольным камнем, на котором зиждется все здание Психологии» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 7). Это обосновывается тем, что, во-первых, использование других научных методов в конечном счете опосредуется самонаблюдением: «...если мы что-нибудь понимаем в наблюдении над другими людьми и животными, то лишь благодаря внутреннему опыту» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 8). Основанием для понимания сущности того или иного психического феномена становится именно наше знание, чувствование того, как это явление происходит в нашем собственном случае, в нас самих: «Понятна нам духовная жизнь других людей и животных только через самонаблюдение... Видя внешние выражения на лице, в глазах, телодвижениях другого человека, мы по аналогии делаем заключение о его состоянии» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 8). «Кому какое-либо душевное состояние не дано в нем, тот ни из каких других источников не пополнит своего знания. Слепорожденный и глухонемой не могут в своем внутреннем опыте ознакомиться с цветами и тонами...» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 7).

Во-вторых, по мнению Владиславлева, примеры анализа психической жизни животных в истории психологии показывают, что нам доступны лишь рассуждения в форме построения аналогий с человеком (где одни исследователи идут дальше, акцентируя внимание на элементах, указывающих на подобие животного и человека, другие остерегаются проводить прямые параллели), тогда как с помощью еще каких бы то ни было методов исследования, так или иначе сводящихся ко «внешнему» наблюдению, нам доступно лишь наблюдение за их движениями, но не то, что можно охарактеризовать как душевную жизнь.

Интересно, что, говоря об истории зоопсихологических взглядов, Владиславлев подчеркивает, что теоретические конструкции, строящиеся вокруг наличия чего-то подобного человеческой душе и духовной жизни у животных, в разные исторические эпохи были абсолютно различны. Таким образом, мы видим в его концепции не только зачатки осознания культурно-исторической природы психики человека, но и конкретно — культурной обусловленности научного познания, понимания науки как культурно обусловленного явления. В этом отношении Михаил Иванович существенно опередил свое время и уже близок к идеологии постнеклассической науки.

Обращение к своему внутреннему опыту Владиславлев считает практически единственным легитимным, хотя и, конечно, не безупречным источником психологического знания. Утверждая значение метода наблюдения и самонаблюдения для психологической науки, Владиславлев не упускает из виду его очевидные недостатки и трудности и предлагает методические приемы для их минимизации. Так, рассуждая о сложностях применения метода самонаблюдения в настоящем времени, Владиславлев отмечает, что наблюдатель, являющийся одновременно и объектом, и субъектом исследования, непременно потеряет возможность наблюдать феномен в «чистом» виде: как только внимание обращается на течение процесса, то есть концентрируется на нем, это сразу же нарушает естественное течение данного процесса. Поэтому Владиславлев предлагает использовать то, что он называет «косвенным» самонаблюдением, а именно — самонаблюдение по воспоминаниям. При этом Владиславлев отмечает, что качество получаемой информации не всегда может быть ценно для исследователя и зависит в первую очередь от характеристик

респондентов, в связи с чем предлагает «обращаться прежде всего к хорошим и образованным знакомым, характеру которых и способности отвечать можно доверять, или таким лицам, которые вообще, по своему характеру и положению, могут понять и оценить научную цель» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 16), — иными словами, рекомендует использовать экспертов.

Михаил Иванович предлагает несколько правил, которыми можно руководствоваться, чтобы получить ценную информацию при использовании самонаблюдений респондентов: вопросы, задаваемые исследователем, не должны быть слишком общими и неопределенными; они должны быть ясными для респондента; необходима апробация вопросов на экспериментальной выборке перед тем, как задать их целевой аудитории; стоит составить несколько вопросов по поводу одного и того же состояния или феномена в разных условиях. Он также обращает внимание и на этическую сторону исследования и пишет, что не стоит утомлять испытуемого большим количеством вопросов, а также надо помнить, что «бесцельное и, главное, недобросовестное расспрашивание... может без нужды беспокоить серьезных людей» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 16).

В качестве источников психологического познания Владиславлев также рассматривает и анализирует искусство и язык. В отношении искусства он пишет: «Поэзия есть нечто вроде второго мира психических фактов, постигнутых по воображению» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 19). Однако искусство следует рассматривать лишь как сырой материал для психологического анализа.

Язык Владиславлев рассматривает как сокровищницу психологических наблюдений, где народом аккумулировано в словах глубокое понимание сложных душевных состояний. Он предложил ряд методических приемов для использования языка в психологии. Прежде всего в фокусе его интересов лексикон, словарь языка. Владиславлев пишет, что пересмотр по лексиконам всех слов, имеющих психологическое значение, поможет обнаружить множество психических явлений, не упоминающихся в психологической науке, что обогатит психологию и проложит путь к новым обобщениям. Сравнительный анализ понятий в разных языках он считает важным для понимания психологических особенностей народа. Синтаксический материал он называет труднейшим для исследования. Формы и обороты речи здесь выражают оттенки душевных состояний.

В качестве ответа тем, кто придерживается мнения, что психология должна пойти по пути естественных наук и, только полностью интегрировав метод эксперимента, сможет считаться сферой научного знания, Владиславлев указывает и на ограничения экспериментального метода, связанные с особым предметом психологической науки: «Опыт имеет то первое преимущество перед наблюдением, что он дает возможность умножать количество фактов. Но умножать их по произволу возможно лишь в том случае, когда мы вполне распоряжаемся ими и можем искусственно воспроизводить их. В таком ли мы положении относительно душевных явлений?» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 12). Отвечая на этот вопрос, Владиславлев, во-первых, указывает на этическую сторону применения некоторых научных методов — в частности, например, на то, что для «чистоты» некоторых экспериментов нам неизбежно пришлось бы пожертвовать жизнью, умственным и физическим здоровьем испытуемых; во-вторых, он справедливо отмечает, что некоторые факты психической жизни не могут быть воспроизведены произвольно, так как попросту

не поддаются контролю — например, сильные чувства, реакции и т.д., а именно они в конечном счете и являются важным объектом интереса психолога. Главное же возражение состоит в самой природе психического: «...сложность душевных явлений такова, что, если бы эксперимент и был реально приложен к ним, мы столь же мало знали о явлениях и после эксперимента, как до него. Мысль может возникать путем логическим, через ассоциацию, вследствие волнений, по поводу желаний; одно и то же явление возникает вследствие многих причин, как над ним экспериментировать?» (Владиславлев, 1881, т. 1, с. 13).

Заключение

Имя Владиславлева малоизвестно современным российским психологам. Его методология и теория были отвергнуты и забыты в русле парадигмы, доминировавшей в российской психологии XX в. В свете сложившейся в этот период традиции рассмотрения ведущего в его методологии метода интроспекции как чего-то отжившего и стигматизации самого понятия, в современной психологии оно практически не употребляется, хотя содержательный анализ многих современных постнеклассических методологических подходов позволяет усмотреть в них обращение к тем или иным вариантам интроспекции.

Формы и методы интроспекции весьма различны. Как справедливо отмечает В. А. Мазиллов, «было бы абсолютно неверно считать, что интроспекция представляет собой что-то однородное, единое» (Мазиллов, 2007, с. 61). Время появления и расцвета метода интроспекции в психологии ассоциируется с периодом становления психологии как области научного знания в XVIII–XIX вв. Более того, как пишет Ю. Б. Гиппенрейтер, некогда «в психологии сознания метод интроспекции (букв. “смотрения внутрь”) был признан не только главным, но и единственным методом психологии» (Гиппенрейтер, 2002, с. 24).

В работах историков XX в. интроспекция упоминается в основном в связи с определенным этапом в развитии психологической науки и рассматривается даже как некий пережиток прошлого. Возрождение метода интроспекции — частный случай и показательный пример кризиса классической рациональности и перехода к новому, неклассическому этапу развития науки: идея моноличности знания уступила место идее диалогичности; познающий субъект утратил статус нейтральности и объективности по отношению к познаваемому им объекту, а сами познаваемые объекты стали мыслиться в соответствии с принципом вероятностной и относительной организации. Основное представление классической философии науки — идея вневличного естественного порядка, бесконечной причинной цепи, которая может быть постигнута рациональным образом, и идея о том, что законы объективного мира могут быть познаны путем приобщения к точке универсального наблюдения, — были подвергнуты критике и перестали восприниматься как единственно возможные. Знакомство с разработками интроспекционистов, как представляется, будет весьма полезно современным исследователям и, возможно, послужит развитию методологии психологии на ее новом этапе.

Сегодня мы вновь открываем значимость вклада Владиславлева в психологическую науку. Его методологические принципы и приемы созвучны постнеклассическому повороту в нашей науке, а полторы тысячи страниц глубокого и содержа-

тельного анализа психических явлений, нетривиальных замечаний и наблюдений, как представляется нам, будут интересны современным коллегам и обогатят наше понимание психического.

Благодарности

Автор благодарит В. А. Рафикову, аспиранта СПбГУ, за помощь в сборе и подготовке материалов к печати.

Литература

- Большакова В. В. Очерки истории русской психологии (XIX — начало XX века). Ч. 2. Русский волюнтаризм: М. И. Владиславлев. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 1997.
- Будилова Е. А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. Вторая половина XIX — начало XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Владиславлев М. И. Современные направления в науке о душе. СПб.: Типография Н. Тиблен и К (Н. Нехлюдова), 1866.
- Владиславлев М. И. Лекции по психологии. СПб.: тип. Пазовского, 1879.
- Владиславлев М. И. Психология: исследования основных явлений душевной жизни: в 2 т. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1881.
- Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию: курс лекций. М.: ЧеРо; Юрайт, 2002.
- Мазилев В. А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 61–85.
- Мироненко И. А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2019.
- Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
- Mironenko I. A. A forgotten name in the history of Russian psychology: Mikhail Ivanovich Vladislavlev // European Yearbook for the History of Psychology (EYHP). 2021. Vol. 7. P. 225–239.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2021 г.;
рекомендована к печати 20 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Мироненко Ирина Анатольевна — д-р психол. наук; mironenko.irinal@gmail.com

On the scientific heritage of Mikhail Ivanovich Vladislavlev*

I. A. Mironenko

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Mironenko I. A. On the scientific heritage of Mikhail Ivanovich Vladislavlev. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2022, vol. 12, issue 1, pp. 19–28.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.102> (In Russian)

The article discusses the place and significance of the scientific heritage of M. I. Vladislavlev (1840–1890) and analyzes the scientific heritage of Vladislavlev, discusses its significance and

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-013-00260 “National and local schools of psychology in the context of global socio-cultural trends: challenges and prospects”.

relevance in the context of modern trends in post-non-classical science. This scholar, who wrote fundamental works on psychology, was well-known, and even held the post of rector of St Petersburg University, was forgotten due to a discrepancy between his methodological preferences and the methodology and ideology on which Russian science of the 20th century as based. After an internship in Germany, Vladislavlev defended his master's thesis "Modern trends in the science of the soul", published later, and worked at St Petersburg University. In 1885–1887 he was dean of the Faculty of History and Philosophy, and rector from 1987 until his death in 1990. His students included the likes of A. I. Vvedensky, N. Ya. Groth, N. N. Lange and others. Vladislavlev's psychological views are detailed in three volumes of more than one and a half thousand pages. These present the history of psychology from ancient times through contemporary trends, as well as his holistic vision of the discipline: the methodology of psychology is presented in detail and the general structure of the psyche and the entire spectrum of mental phenomena, mental processes, and properties are described. Vladislavlev used and developed the method of introspection. When methodology based on the primacy of the experimental method became firmly established in Russian science, introspection received the stigma of being "unscientific". The work of scientists who used this method was not considered significant and was largely ignored. In the last decades of the twentieth century, significant changes occurred in psychological methodology, as well as in the general methodology of science. Cultural conditioning and relativity of scientific ideals and norms have become obvious, the influence of the "humanitarian" paradigm has grown, and the use of narrative approaches is expanding.

Keywords: M. I. Vladislavlev, history of psychology, psychology at St Petersburg University, introspection, Russian voluntarism.

References

- Bolshakova, V. V. (1997). *Essays on the history of Russian psychology (19th — early 20th century). Part 2. Russian voluntarism: M. I. Vladislavlev*. Nizhny Novgorod, Volgo-Vyat. akad. gos. sluzhby Publ. (In Russian)
- Budilova, E. A. (1960). *The struggle between materialism and idealism in Russian psychological science. Second half of the 19th — early 20th century*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russian)
- Gippenreiter, Yu. B. (2002). *Introduction to general psychology. Lecture course*. Moscow, CheRo Publ., Yurayt Publ. (In Russian)
- Mazilov, V. A. (2007). Formation of the method of psychology: pages of history (method of introspection). *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2 (1), 61–85. (In Russian)
- Mironenko, I. A. (2007). *The biosocial problem and the formation of global psychology*. Moscow, Institut psikhologii RAN Press. (In Russian)
- Mironenko, I. A. (2021). A forgotten name in the history of Russian psychology: Mikhail Ivanovich Vladislavlev. *European Yearbook for the History of Psychology (EYHP)*, vol. 7, 225–239.
- Stepin, V. S. (1989). Scientific knowledge and values of technogenic civilization. *Voprosy filosofii*, 10, 3–18. (In Russian)
- Vladislavlev, M. I. (1879) *Lectures on psychology*. Art. Petersburg, Tipografiya Pazovskogo Publ. (In Russian)
- Vladislavlev, M. I. (1881). *Psychology: studies of the basic phenomena of mental life*. In 2 vols. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova Publ. (In Russian)
- Vladislavlev, M. I. (1866). *Modern trends in the science of the soul*. St Petersburg, Tipografiya N. Tiblen i K (N. Nekhlyudova) Publ. (In Russian)

Received: November 22, 2021

Accepted: December 20, 2021

Author's information:

Irina A. Mironenko — Dr. Sci. in Psychology, Professor; mironenko.irina1@gmail.com